
Скромные сомнения по поводу одной великой аналогии

1 мая 1962

Александр Федорович Котс

Общеизвестным, до банальности, является то основное положение **Дарвина**, которое положено им было в основание попытки объяснения многообразия природы организмов и приспособления их к условиям существования.

Хорошо известно также, что означенные два явления: наличие в живой природе «**Видов**», как биологически и сексуально четко обособленных комплексов, и явления «приспособления» живых существ к среде, их окружающей, рассматривались **Дарвином** как нераздельные две стороны единой «Видовой Проблемы.»

Лишь таким путем, отождествляя «**Вид**» с «Приспособлением», или, говоря точнее, наделяя «видовые» признаки «приспособительными» свойствами, витально важными для организмов, **Дарвин** думает одновременно научно разгадать двойную тайну органического мира: генезис Приспособлений и Происхождение Видов.

Лишь таким путем, объединяя два явления, проблему **Вида** и **Приспособлений**, **Дарвин** получил возможность обратиться к поискам причины эволюции животных и растений, обитающих на воле, — к одомашненным их формам, разводимым человеком, и к парализации его продукции и методов работы с таковыми, подлежащими раскрытию для организмов, обитающих на воле.

И, поскольку главным методом для разведения одомашненных культур животных и растений общепризнанным является «Искусственный Подбор», **Дарвина** охватывает мысль, что и для природных, обитающих на воле организмов, регулятором их жизни, породившим их многообразие и мир приспособлений, следует признать подобный же процесс, им названный «Естественным Подбором.»

Таково общеизвестное, исходное положение «Дарвинизма», — «сензу стректиори» объясняющей стороны его теории.

Не менее известна та разноречивость и то разногласие, что обнаружилось среди преемников великого ученого, при том не только во враждебном к Дарвинизму лагере, но и среди заведомых сторонников и даже пламенных адептов стиля и диапазона **Уоллеса** и **Вейсмана**, или **Романеса**. И, если первые два, как «ультра-дарвинисты», выступали голословно за безоговорочное признание абсолютной адаптивности **всех** видовых отличий, то по мнению **Романеса** (и компетентнейшего дарвиниста, автора известной сводки по учению Дарвина, Людвиг **Плате**...) мысль о витальной, жизненной полезности отличий видового ранга в большей своей части совершенно **недоказана**.

И, тем не менее, эти призывы к осторожности в суждении о пользе **видовых** отличий, эти оговорки оказались мало-актуальными и вся Теория **Естественного Подбора** до сих пор считается за наиболее доказанную, действительную причину генезиса **Видов**.

Задача нижеследующих строк — критически, благожелательно с позиции горячего сторонника идеи эволюции живого мира, опираясь о шестидесятилетний труд, фактически проверить эту основную базу Дарвиновой аналогии: сравнения **Искусственного** и **Естественного** Подбора, самую оправданность их аналогии, на фактах, либо неизвестных **Дарвину**, либо оставшихся им по достоинству не оцененных.

Но начать приходится с исходной, основной концепции: с **Искусственного Подбора**.

Всего прежде следует отметить двойственный, двоякий тип методики, приема выведения новых пород животных: именно

I. Приема накопления, наращивания уклонений, возникающих спорадично **в пределах той же расы, той же группы** и породы особей, и

II. Метода образования новых рас в итоге **скрещивания разных** рас, для получения новых комбинаций, или сочетаний признаков, присущих взятым для гибридизации пород.

Легко понять, что если применение второго метода в виде **исходного**, в дальнейшем и не исключает самого широкого использования первого, это смешение двух совершенно разных по происхождению источников новообразований совершенно исключает строгое разграничение участия и роли каждого из них в образовании новых признаков.

Но столь же очевидно, что аналогизация с «Естественным Подбором», постулируемым для животных, обитающих на воле, подлежит лишь **первый** Метод выведения культурных рас, только «Искусственный Подбор», в прямом, исконном и прямом значении слова, проводимый **без** внесения крови инородных рас, способных совершенно затемнить картину генезиса данной разбираемой породы.

Поступать обратно и усматривать параллелизм между межпородным скрещиванием, проводимым человеком и процессом видообразованием на воле, — значило бы возвратиться к примитивным взглядам ранних авторов, наивно допускавших возникновение новых «видов» в результате скрещивания существующих.

Оставляя за собой вернуться к этому «Подбору» особей гибридного потомства, обратимся к обсуждению того, насколько в свете современных наших знаний, по прошествии столетия со дня опубликования «Происхождения Видов», уточнились наши сведения о фактах, полагавшихся в основу величавой аналогии между Искусственным Подбором, проводимым человеком и «Подбором», протекающим на воле силами самой природы.

Всего прежде, ограничимся примерами животных одомашенных происхождения **монофилетического**.

Классическим примером может послужить, как хорошо известно, наши **Куры**, прирученные с глубокой древности и ныне разводимые в бесчисленных породах.

В монофилетическом их происхождении, именно от дикого «Банкивца» (Галлус ферринеус) вряд ли можно сомневаться, поскольку три других куриных родича, ничем не проявляют своего участия в образовании пород наших домашних кур и рядом признаков отличны от последних.

Обычная окраска оперения петуха Банкивского, «Красной кустарниковой курицы» — слишком хорошо известна, по неотличимости ее от оперения обыкновенных беспородных наших кур, и только мелкий рост и стройность тела дикого «банкивца» ясно выдают дикого чуткого обитателя далеких джунглей.

Интереснее другое. То разнообразие окраски и рисунка оперения, которое присуще многочисленным породам наших кур, не только чистокровным, но и беспородным, или полукровным, в разной мере удержавшим более, или менее, следы бывшего скрещивания с породистыми курами.

Достаточно напомнить одноцветно-сизую окраску, или вычурные разрисовки оперения кур и петухов породы «Брама», «Гамбургской» и «Биандотов».

И естественно спросить: каким путем сложились эти прихотливые орнаменты, столь непохожие на относительно простое и лишенное цветистого рисунка оперение дикого «Банкивца»?

Хорошо известно объяснение, даваемое **Дарвином**: — «Путем лишь долгого и медленного накопления, наращивания отдельных и „случайно“ спорадично появившихся узорчатых и прихотливо разрисованных перьев до захвата ими всего тела птицы. Помощью „Искусственного Подбора“: подбором, „приумножения“ из поколения в поколение количества отдельных необычных перышек, подмеченных владельцем-человеком.»

Но естественно спросить: Известны ли для дикого Банкивца, как родоначальника домашних кур, хотя бы лишь намеки на случайные и спорадические появления, как у вышеперечисленных чистопородных кур?

И, если «да!» — то точно ли лишь постепенным, медленным наращиванием числа этих отдельных, аномально разрисованных перьев удалось за время долгих лет сложить их в целостный наряд, присущий современным курам, относящимся к породам «Сизых Андалузов», «Брама», «Гамбургской» и «Виандотов»?

Хорошо известно, что по **Дарвину** ответить на вопросы эти можно только **положительно**.

Но так ли это есть на самом деле?

Ведь доселе никому не приходилось видеть петуха Банкивского с хотя бы лишь одним пером по типу Сизых Андалузов, Брама, Гамбургских и Виандотов.

Нам ответят: и понятно, почему! Ведь общее число банкивских кур и петухов, хранящихся в музеях всего мира в виде чучел, или тушек, вряд ли превосходит пару тысяч особей, — число, ничтожное для выявления изменчивости животного.

Естественно, что приписав воображаемому предку наших кур наличие случайных, редких и частичных изменений их нарядов в направлении нынешних культурных рас, **Дарвин** был вынужден аргументировать лишь **дедуктивно**, априорно наделяя предков наших нынешних «декоративных» кур задатками на современное их оперение.

Тем рациональнее оказывалось обратиться к изучению птиц, тоже «куриных», пусть неблизко родственных домашним курам, говоря точнее, дикому их родоначальнику, «Банкивцу», но имеющих одно большое преимущество.

Являясь издавна объектом массовых добываний и заготовок и при том в стране с холодным климатом, содействующим длительному сохранению битой птицы, эти северные представители куриных позволяют по закону «Параллельной изменяемости», изучить ее на материале, измеряемом в **миллионах** особей, в цифрах, дающих полную картину изменяемости Вида.

Мы имеем здесь ввиду распространенного по всему Северу Европно-**Тетерева**-Косача (), специально изучаемого автором за время более полувека (с 1896 года).

Кратко выражаясь, можно сформулировать итоги этого полувекового исследования следующим образом.

Согласно хорошо известному «Закону Параллельных Изменений», всем главнейшим типам существующих «орнаментальных» оперений наших кур возможно подыскать аналоги в «абerrативных» оперениях Тетерева-Косача, при том не в виде лишь отдельных перышек, но в форме целостных, законченных нарядов целой птицы, или с захватом целых партий оперения.

Но тем самым может быть оправдан и обратный вывод: факт ненахождения доселе у дикого Банкивца оперений, сходных с таковыми вышеназванных декоративных кур в широкой мере объясняется малой численностью хранящихся в музеях экземпляров этой птицы.

Можно с полной уверенностью утверждать, что при достаточном количестве исследуемых особей, дикий Банкивец обнаружил бы такую же вариацию абerrативных оперений, как и его северный, не слишком близко-родственный собрат, наш Тетерев-косач.

Предоставляя прилагаемым фототаблицам иллюстрировать здесь сказанное об обилии абerrативных изменений оперения тетерева в направлении такового у декоративных кур (подробнее об этом замечательном параллелизме можно прочитать в моей статье, опубликованной в Журнале Зоолог. Общества Лондона), уместно сделать два главнейших вывода, более тесно связанных с тематикой нашей статьи.

Так, всего прежде, сам собой напрашивается вывод, относящийся к самому способу возникновения абerrативных изменений оперения у столь разных по повадкам и по месту обитания птиц, как Тетерев-Косач (Лирурус тетрикс) и петух банкивский (Галлус ферругинеус): там — утонувшая в снегах тайга, или степные дали, здесь — тропические джунгли экзотического леса, или гущи камышей.

Это предельное несходство обитаемой среды показывает, что источники аналогичных изменений у обеих птиц таятся в недрах организмов, будучи всецело **бластогенными** и не зависят от влияния почвы, климата и пищи.

Следующее, второе заключение: ни разу, из бесчисленных миллионов пересмотренных тетеревов не удалось напасть на особей с начальным только отклонением в сторону определенной абerrации. Ни разу не встречалась птица, у которой только на отдельных опахалах наблюдались бы следы, или зачатки отклонений в сторону «ланцеолата», «Альбивентрис», «маргината» или «Андалуза».

Каждый раз абerrативность выявлялась **в полной мере**, целиком охватывая все подлежащие изменчивости партии.

Столь поразительное постоянство в сохранении рисунка всех абберративных уклонений (в полное отличие от **ассиметричных** альбиносов, в оперении которых можно без труда найти все переходы, или стадии недоразвития пигмента от отдельных белых перышек до полного, сплошного альбинизма..), может оправдать два следующих вывода:

I. По линии «**Естественного Подбора**», правильнее говоря, по линии «Видовой Проблемы».

Можно с полной уверенностью сказать, что попадись десятки абсолютно сходно разрисованных абберративных форм тетеревов (типа «ланцеолата», «альбиветрис» или «маргината») орнитологу былой формальной школы систематиков, он, не подозревая спорадичности находок этих абберраций, в увлечении выкраивания «новых видов», не колеблясь одарил бы зоологию десятком «новых» видовых названий: в такой мере постоянство, повторяемость рисунка оперения означенных абберративных форм созвучно видовым критериям и диагнозам.

И хотя, узнав о спорадичности вкрапления подобных абберраций в популяции типичных «Черныше-тетеревов», наш систематик убедился бы в своей ошибке и кассировал бы вновь описанные «Виды», самая возможность толкования «абберрации» за новый вид (хотя бы мнимый!) очень знаменательна.

В воображаемом примере, нами приведенном, можно усмотреть свидетельство того, что цветовые уклонения в природе могут достигать порою даже **видового** ранга. Более того, что в абберрациях по типу приведенных, мы имеем редкий случай, чтобы не сказать довольно уникальный, позволяющий нам до известной степени понять происхождение, генезис природных «Видов», не путем абстрактных умозаключений, а на частном и вполне реально существующем примере.

Говоря короче, перед нами — редкий, чтобы не сказать довольно уникальный случай, побуждающий поставить знаменательный вопрос о роли и значении резких и скачкообразных изменений организмов в историческом процессе «Изменяемости Видов».

II. По линии «**Искусственного Подбора**», правильнее говоря, по линии выведения новых рас, или расцветок одомашненных животных.

Хорошо известно, что главнейшим методом или приемом проведения «Искусственного» Подбора **Дарвин** признает накапливание, наращение небольших полезных человеку индивидуальных уклонений, возникающих среди им разводимых особей животных и растений.

И хотя эпизодическое появление более резких и скачкообразных изменений **Дарвином** не отрицалось, все же их значение и роль в процессе выведения новых пород им признавались только в виде исключения и для немногих случаев (как на примере «черноплечего» павлина).

Эта явная недооценка **Дарвином** спонтанных, резких единичных изменений разделялась и доселе большинством биологов, писавших об Искусственном Подборе, и притом не отдавая себе ясного отчета о реальных, исторических ступенях, или стадиях образования пород.

Негласно, молчаливо допускалось, что, как признаки полезные (мясные качества, склад тела, рост, обилие пера и пуха) так и свойства ценные лишь для любителя (окраска оперения, его расцветка у декоративных форм) — слагались, совершенствовались лишь в итоге длительного, кропотливого суммирования, накопления начальных минимальных, а порой минуциознейших случайных уклонений в направлении, желательном для человека.

Но является довольно очевидным, что в подобном допущении смешивались два момента: **первое**, начальное, исходное возникновение первых признаков новой породы и ее усовершенствование в дальнейшем.

И, однако, если в отношении хозяйственно-полезных свойств животного два названных момента исторически неразделимы, то по отношению к декоративным птицам, каковы породы одомашненных пернатых, в частности домашних голубей и кур, — столетие, прошедшее со времени бессмертной книги **Дарвина** внесло значительные коррективы.

Можно с полной уверенностью утверждать, что никогда, ни одному зоологу, заводчику, или любителю не приходилось видеть петуха Банкивского, или неотличимого по цвету оперения петуха домашнего, но беспородного, с **отдельным** перышком типа, присущего теперешнему «Андалузу», или Виандоту.

Предположение, что сизая окраска первого и вычурный рисунок оперения второго — результаты долгого и тщательного выискивания отдельных опухал с желательным рисунком и последующим наращением подобных перьев в ряде поколений — есть чистейшая дедукция, построенная умозрительно по аналогии с подбором признаков и свойств «хозяйственного» применения: веса тела, роста, склада, яйценоскости, обилия пера и пуха. Здесь, в основании подобных свойств подбор действительно осуществлялся долгими веками в форме тщательного выбора, выискивания мельчайших уклонений в направлении полезном для заводчика, любителя и птицевода.

Но переносить **этот** подбор таких мельчайших, «градуированных» в силе выявления признаков и преимуществ на черты и свойства относимые не к целостному организму а к особенностям, приводящим и касающимся лишь деталей оперения, не имеющих витального значения а отвечающих лишь эстетическим, декоративным вкусам человека, его прихотям, или капризам, смешивать два эти рода признаков возможно лишь во имя априорных доводов и установок.

Опираясь на полустолетние фактические наблюдения, можно утверждать, что наподобие аналогичным изменениям в оперении диких представителей «Галлинэ» (в частности Тетраонид..), исходные аберративные узоры и рисунки в оперении наших домашних кур обязаны в своем происхождении мутативным, целостным, аберративным уклонениям, **спонтанно** охватившим **весь наряд** древнейших представителей домашних кур, а не отдельные и спорадические опухала единичных перьев.

Что подобные «мутации» не исключали применения последующего их «подбора» — более, чем очевидно, но касался он деталей, совершенствования, четкости узора и окраски оперения, а не зарождения, не первого возникновения его, как такового.

И, однако, прежде чем покончить рассмотрение вопроса о происхождении декоративных оперений у домашних кур и роли в их образовании спонтанных резких редких мутативных изменений их былых родоначальников, уместно отвести одно легко предвидимое затруднение.

Нам скажут: Если бесконечное многообразие породистых домашних кур действительно сложилось в результате закрепления спонтанно некогда возникших целостных аберративных изменений по примеру таковых у Тетерева-косача, то как реально и практически вообразить такую аналогию, учитывая колоссальную фактическую редкость аберраций этого последнего.

Ведь если при условиях и в обстановке массового добывания тетеревов, как ценной промысловой птицы (общее количество «**нормальных**» особей, за чет которых собрана полсотня аберративных экземпляров Дарвиновского Музея за полустолетие (1896—1950) определялось многими миллионами, — то как ничтожны были шансы для бывшего первобытного любителя — напасть на сходные же аберрации в окраске дикого Банкивца, добывавшегося в целях приручения лишь в единичных особях.

Короче: если для выискивания «хозяйственно-полезных» качеств (веса тела, роста, яйценоскости, пера и пуха..) даже небольшое стадо может дать известный материал для качественного подбора то по линии «декоративных» оперений малые цифры содержимых особей казалось бы заведомо и совершенно исключала всякую возможность «выбора».

Здесь, для смягчения приведенной трудности придется сделать небольшое отступление, переведя внимание читателя от промысловых птиц к примеру, относящемуся к промысловому пушному зверю.

За время без малого полвека Дарвиновский Музей в своей работе связан государственной центральной базой получения и сортировки образцов **пушнины**, добываемой со всех концов России и особенно Сибири.

При прямом содействии бывлой дирекции и сортировщиков-рабочих Пушно-Мехового Холодильника Музею Дарвиновскому удалось собрать единственную в мире серию аберративных образцов пушных животных: альбиносов и других резко отличных по окраске меха Медведей, волков, лисиц, куниц, хорей и соболей. Даже в сравнительно умеренном количестве (а не в миллионах!) добываемые выдры, росомахи и Енотовидные собаки — удалось добыть в аберративно-резко аномальных экземплярах, полных и частичных альбиносах.

Но характерно, что за период почти полвека, не смотря на все старания и все усилия не удалось достать аберративной **Норки** в форме хотя бы альбиноса.

И, однако, стоило в одном Зверосовхозе («Пушкине») заняться разведением **Норок** и спонтанно появились самые разнообразные, частью причудливые aberrации обыкновенной норки. Допуская, что значительное большинство их появилось в результате широчайше проведенных скрещиваний, самая возможность получения разнообразнейших мастей свидетельствует о наличии в организме норок соответствующих цветных задатков, скрыто пребывающих у дикого животного и проявляющихся лишь в условиях, отличных от привольной обстановки.

Не входя в анализ, в рассмотрение начала, хода и последовательности, или связи этих многоцветных aberrаций, здесь достаточно только лишь констатировать, отметить самый факт обнаружения потенциальной многоцветности задатков данного животного и выявления ее только **в условиях содержания, резко отличных от природных.**

В приведенном только что примере мы имеем только в необычно резкой и демонстративной форме издавна известную (чтобы не сказать банальнейшую) истину о склонности диких животных изменяться при одомашнении и хотя об «одомашнении» **Норок** говорить и не приходится пример этого зверя, столь константного при обитании на воле, и столь изумительно изменчивого при одном лишь содержании в неволе, крайне поучителен.

Примером этим лишний раз, в особенно наглядной форме подтверждается элементарно-школьное разграничение двух сторон организации любого существа: видимых признаков, определяющих его наружный внешний и обычный облик («Фэнотип») и свойства, скрыто пребывающие в организме, выявляемые лишь при специфичных окружающих условиях и всего чаще и нагляднее, при скрещивании, гибридизации (так наз. «Генотип»)

Достаточно лишь появиться **одному** из этих скрытых до того генотипичных свойств и, действуя этим независимо от воли че ловека единичным признакам, подобно неким «ключом», можно последовательным скрещиванием раскрыть и выявить всю совокупность, все богатство свойств и признаков, дотоле скрытых в недрах организма и его наследственных потенций.

А теперь приложим сказанное к решению «Видовой Проблемы».

Первое, что нам приходится отметить — это уже упомянутую и общеизвестную недооценку **Дарвином** наличия в природе спорадических спонтанных резких уклонений, проще выражаясь, роли и значения для эволюции «скачков в природе».

Выше мы отметили уже недооценку **Дарвином** спонтанных, целостных aberrативных уклонений при образовании декоративных рас домашних кур и это вопреки тому, что никогда ни одному былому куроводу не случалось видеть беспородную, или «банкивскую» по оперению курицу со спорадичным, одиночно измененным опахалом в направлении породы «Андалузов», «Брама», «Гамбургской» и «Виандотов».

Эти единично измененные aberrативно перья **постулировались Дарвином** по аналогии с действительно тончайше градуированными свойствами по линии веса тела, роста, склада, густоты пера, или способности яйценошения, драчливости, выносливости и других **количественно** определяемых свойств.

Все говорит за то, что наподобие целостным aberrативным уклонениям в оперении диких куриных птиц, как тетерева, Рябчика и глухаря, подобные же целостные aberrации **всего и целостного** оперения банкивских кур давали некогда толчок к образованию декоративных рас домашних кур: породы Андалузов, Брама, Гамбургских и Виандотов.

И, однако, если так, — то и по отношению к обитающим на воле **Видам** справедливо провести указанное разделение: признаков, «градуированных» по силе выраженности у разных особей **того же вида**, как строение, склад, рост, выносливость, приспособленность к среде, драчливость, склонность и способность к длительному бегу, перелетам и тому подобные **витально** ценные достоинства и свойства, разные по силе у различных особей и потому доступные тончайшему учету в жизненной борьбе и вытекающем из нее «Подборе более приспособленных».

Но этим признакам уместно противопоставить категорию других, при том гораздо более **специфических**, т.е. присущих не «животным вообще», но характерных для определенного лишь «**Вида**». Сюда прежде всего относятся **окраска и рисунок оперения**, особенно диагностичные для птиц.

Однако же и здесь необходима дифференцировка. Как известно, оперения разных птиц не равнозначно по биологической их ценности.

Дело — одно: наряды явно адаптивные, будь то окраска обитателей пустынь, степей, гуши тропических лесов или снегов кругополярных зон.

Легко понять, что в применении к таким нарядам (если и не без оговорок!) медленное накопление, наращивание, усиление цвета в сторону созвучности с тонами обитаемых ландшафтов, в широчайшей мере стимулируется «Естественным Подбором», хотя общий тип и тон подобных «защитных нарядов» приурочен всего чаще **не** к отдельным **Видам**, но охватывает целые **Рода**, отчасти даже характеризуя целые семейства¹.

И другое дело — оперение, или цвет тела вообще животных и при том громаднейшего большинства, при том не общего характера их одевающих покровов, а особенностей **видовых** отличий.

Можно думать, что подобно замечательной пластичности повадок, свойственной не малому числу обыкновенных наших птиц, нередко вынужденных в случае неурожая, или недостатка основного, свойственного им корма, прибегать к различнейшим «эрзацам»², так и мелкие детали видовых отличий в оперении наших птиц едва ли обладают подлинно витальной значимостью. Даже не одни только «детали».

Три явления, издавна хорошо известные любому орнитологу, нам подтверждают это допущение.

Факт длительной повторной смены оперения, существующей у многих птиц во взрослом состоянии (Как например у Осоедов), индивидуальная изменчивость в окраске некоторых хищных птиц (как наших Канюков), особенно же явление **Видового Диморфизма**, как оно парадоксально выражено у миниатюрной беззащитной цапли (рода **Флорида**), разные особи которой, темные и белые прекрасно уживаются в той же колонии.

Казалось бы, один лишь взгляд на многоцветную колонию этих миниатюрных беззащитных птиц мог бы заставить усомниться в подлинной реальной пользе видовых окрасок оперения.

Но хорошо известные любому орнитологу все эти факты не смогли поколебать доселе ставшую на положение «фетиша» веру в адаптивность видовых деталей видовых окрасок и рисунков оперения.

Даже в отношении классического, школьного примера Бабочки **Калиммы**, подражающей так поразительно своей исподней стороной крыла сухому и завядшему листу, обычно забывают, что столь разительная «листовидность» нижней стороны крыла есть свойство **родового** ранга, оставляющее незатронутым вопрос о видовых отличиях Калиммы Паралекта, Альбо-Фасциата, Инахис и некоторых других.

А теперь взгляните на пернатых уроженцев тропиков и, в частности на оперение **Туканов, Попугаев, Щуток, Зимородков, Питт!**

В их сказочном многообразии сочетаний ярко контрастирующих расцветок оперения ум отказывается представить их продуктом медленного «наращивания».

Насколько более приемлемо сближение этих нарядов с представлением об их спонтанном, целостном возникновении по типу аберраций, наблюдаемых в виде редчайших уклонений, нами установленных среди Теревинных птиц (родов Тетрао, Боназа, Лиурус) — в сущности единственно нам помогающим конкретно и фактически обосновать возникновение в природе признаков, или отличий **видового** ранга.

В заключение нашего очерка, имеющего заронить сомнение в витальную полезность видовых отличий оперения у подавляющего большинства пернатых, и тем самым ограничить роль «Борьбы за жизнь» и Есте-

¹ Даже в отношении классического, школьного примера Бабочки-Калиммы, подражающей в своей исподней стороне крыла так поразительно завядшему листу, обычно забывают, что столь потрясающая «листовидность» есть явление **родового** ранга, оставляющее незатронутым вопрос о **видовых** отличиях разных **Видов** Калиммы (К.Инахис, Паралекта, Румия, Альбо- Фасциата..)

² Только один пример: даже столь узко-специфично приспособленные всей своей организацией к хвойному лесу монофаги, как **Клесты** (Род **Локсия**) во времена неурожая, или недостатка семян хвойных переходят на питание *Тлями*!!

ственного Подбора только сферой подлинно полезных для животных признаков (присущих, разумеется, каждому виду!), нам приходится коснуться еще раз «Подбора», проводимого велением и волей человека.

Мы имеем здесь ввиду самую спорную концепцию великого ученого и это вопреки обширнейшей аргументации, им приведенной.

Вам скажут: все декоративные черты и свойства наших кур, будь то изящный, вычурный рисунок оперения, развитие «хохлов» и гривы, удлинненных перьев щек или хвоста наших домашних кур выращивались по совсем другим мотивам и критериям, чем повышение полезных качеств, как обилие пера и пуха, яйценоскость, живой вес и прочие «экономические» свойства.

Как известно, в культивации «декоративных рас», или пород домашней птицы человек руководился больше эстетическими вкусами, или запросами, не исключавшими, конечно, и мотивов материальных при продаже выставочных экземпляров.

И, как при выведении «декоративных» рас решающим являлись чувства эстетизма, прихоти, каприза, вкуса и порою самодурства (как при культивировании трехметровых «хвостов» японских петухов!), так и подобные орнаменты дико живущих видов, бесполезные, а часто даже вредные в «Борьбе за Жизнь» порождались, по учению **Дарвина**, врожденным эстетизмом самок, проводимым ими «**Половым подбором**».

Не входя в развернутую критику этой Теории, мы ограничимся немногими словами, призывающими к осторожности.

Казалось бы, что самое простое наблюдение над поведением диких куриных птиц не подкрепляет мысли о наличии «Подбора», выбора курами петуха и руководства ими красотой его наряда.

Здесь уместно привести рассказ известного специалиста-орнитолога, касающийся поведения дикого самца кавказского фазана, птицы, о которой в отношении полигамии существует разногласие.

Но даже, допустивши моногамность дикого фазана, трудно с нею увязать картину, наблюдавшуюся упомянутым натуралистом, по словам которого самец-фазан «ястребом» бросается и налетает с дерева на самку, не давая ей не только времени для «выбора», но даже, чтобы оглянуться.

Хорошо известно, правда, приводившиеся **Дарвином** и хорошо известные приемы «парадирования» самцами «Золотых фазанов» ожерельем золотистых перьев, их передвиганием в сторону самок, при «ухаживании» за последними, — движение, могущее быть истолковано как преднамеренное «парадирование» своими «шармами».

Это подобие «кокетничания» золотистого самца-фазана издавна и хорошо известно, как в особенности пишущему эти строки, — бывшему Директору Московского Зоологического Сада.

Но не менее обычно наблюдалась сцена, трудно согласуемая с допущением идеи «парадирования» самцами красотой наряда перед самками.

Позднее лето. Время полного разгара линьки, когда сброшенное самцом-павлином оперение надхвостья, образующее, как известно, сказочный звездчатый шлейф (ошибочно обычно называемое обывателем «хвостом», вскрывает, обнажает скрытый им дотоле настоящий хвост из темных, относительно коротких перьев.

Но охваченный непродуктивным чувством позднего «осеннего» токования, самец-павлин долгими часами парадует перед всецело безучастной павой своим тусклым, серым и ничем не замечательным хвостом, или лишенными намека на былые звездчатые украшения голые стержни оперения надхвостья.

Предоставляя правоверному стороннику Теории «Полового подбора» примирить означенные наблюдения, мы, опираясь на эксперименты, специально проводившиеся много лет тому назад соосновательницей **Дарвиновского Музея**, доктором Наук Н.Н. **Ладыгиной-Котс** над попугаями, способностью их различать цвета их собственного оперения, склоняемся к более сдержанной оценке «эстетических» запросов птиц, точнее, их способностей распознавать **тончайшие** нюансы и отличия орнаментов их оперения.

А теперь взгляните на примеры «эксцессивного развития» орнаментов на базе полового диморфизма.

Опуская множество других примеров, ограничимся здесь приведением **двух**, непостижимых по парадоксальности: на оперение **хвоста** у австралийских «**Лирохвостов**» и на головной орнамент у самца «Чешуйчатой Ново-Гвинейской Птицы».

Там — подобие «Античной Музыкальной Лиры», здесь — нечто совершенно «Суи Генерис»: При скромном оперении этой не крупной птички, голова ее «украшена» двумя стержнями, доходящими назад до самого конца хвоста с увешанными каждый **тридцатью двумя** «флажками» в форме роговых светло-лазурных и как бы эмалевых чешуек.

Думать, что и «Лировидный Хвост» **Менуры**, и «Флажки» **Чешуйчатой Райской Птицы** («Птеридофора Альберти») сложились медленным наращиванием слагающих их элементов под воздействием и направляющим влиянием самок — не решится самый пламенный защитник «**Полового Подбора**».

И перед лицом таких пока нам непонятных и загадочных структур нам остается ныне лишь признать свое бессилие, понять их генезис, доверить будущему их разгадку, памятуя изречение великого поэта и мыслителя:

«Нур дурх дас Моргенрот дес Шонеи дрингст Ду ин дес Еркенитнисс Ланд»

«Лишь чрез прекрасного заряю проникнешь ты в страну познания!»

Основные выводы и заключения.

А. По линии «Искусственного подбора»

Необходимость различения **двух** разных и практически вполне разграниченных категорий признаков.

1. Свойств и признаков, тончайшим образом варьирующих по силе выраженности у отдельных особей той же породы и того же выводка. Сюда относятся: индивидуальные различия в размерах, росте тела и отдельных органов, или частей, обилия пера и пуха степени драчливости и яйценоскости, склонность к ожирению.

Все эти качества доступны самому субтильному учету, хотя в сходной мере они могут быть присущи самым разным расам и обычно не они являются диагностическими, определяющими данную породу.

2. Свойств и признаков, лишенных собственно утилитарного значения, но наиболее заметных и характерных для данной расы.

Именно сюда относятся особенности **масти**, в частности у птиц окраска и рисунок оперения. Достаточно напомнить **сизых** Андалузских кур, или столь вычурных по оперению, как **Брама**, **Гамбургские**, и **Виандоты**.

Обе эти категории признаков **со стороны происхождения** их **не** принято доселе разделять: Издавна, со времен классического сочинения **Дарвина** и популярных изложение Дарвинизма молчаливо допускается, что **все** домашние породы птиц, или млекопитающих сложились в результате применения так наз. «**Искусственного Подбора**» сводимого к выискиванию и закреплению в потомстве мелких и порой мельчайших индивидуальных уклонений, их наращивания, накопления в несметном ряде поколений, доведения этих мелких индивидуальных уклонений до размеров расовых отличий, характеризующих отдельные, резко-различные сейчас породы.

Таково обычное общеизвестное изображение методики и достижений **Искусственного Подбора**, применяемого человеком при выращивании, выведении **новых** рас или пород одомашненных животных.

Не отрицая, что в процессе **улучшения**, **усовершенствования** уже сложившейся породы обе категории признаков, «декоративные», как и практически-витально важные (заводчику а частью и самим животным) одинаково доступны для минующего Подбора, следует признать, что в **деле первого возникновения, зарождения** окрасок и рисунков оперения декоративных пород **Кур** — «Искусственный Подбор» в его обыч-

ном понимании, как выискивания случайных, единичных и частичных изменений — есть априорно-умозрительная, дедуктивная концепция. Понятно, почему.

Доселе никому не приходилось видеть дикого родоначальника домашних кур, **Галлус Ферругинеа**, Дикого Банкивца, у которого на фоне свойственного ему нормально оперения появилось бы отдельное перо с окраской и рисунком стиля современных **Брама**, **Гамбургских** и **Виандот**

Все говорит за то, что по аналогии с редчайшими спонтанными возникающими аберрациями оперения у одного (хотя не близкого родича домашних кур) у **Тетерева-Косача** — абберативные наряды появлялись и у предка наших кур, у Петуха Банкивского не в виде лишь отдельных перьев, но захватывая целиком все оперение птицы или обширные партии оперения.

Иначе говоря, начальное возникновение, зарождение «декоративных», аномальных оперений и далеких уже одомашненных предков наших кур происходило **без** участия человека, **без** малейшего подбора, но проявлялось «мутативно» и спонтанно в более или менее целостном виде, чтобы лишь затем подвергнуться «Подбору» в целях улучшения, усовершенствования рисунка, или цвета **мутативно** проявившегося узора.

Короче говоря, **возникновение** декоративных оперений у былых когда-то прародителей домашних кур — происходило **без** малейшего Искусственного Подбора Человеком, столь же целостно-спонтанно, как возникают иногда у диких представителей куриных птиц (у Тетерева, Глухаря и Рябчика) абберативные наряды (сизые, или по типу Гамбургских и Виандотов).

Но нетрудно видеть, что подобное сужение деятельности Искусственного Подбора, проводимого руками человека, вынудит нас сузить и значение **Естественного Подбора**, постулируемого Дарвином по аналогии с Искусственным Подбором.

В самом деле. Ведь руководящим, основным для аналогии было для **Дарвина** понятие о «**пользе**», о «**полезности**» как расовых особенностей одомашненных животных, так и «Видовых» отличий.

Но при этом к категории **расовых** особенностей им относились как анатомические признаки и свойства, подлинно полезные для человека, так и признаки «декоративные», лишённые прямой полезности, хотя, конечно косвенно, продажа «чемпионов» выставочных декоративных экземпляров была «выгодна» владельцу и декоративных рас.

И все же **зарождение** (если и не совершенствование уже возникших) рас декоративных типов оперения наших кур происходило **независимо** от степени полезности для человека или самого животного.

Но, если так, то и возникновение **видовых** отличий у животных, обитающих на воле, протекало, надо думать, **независимо** от их полезности для жизни самого животного, как то показывают вышеприведенные примеры редких и спонтанных цветовых абберативных уклонений некоторых куриных птиц (родов Лиурус, Боназа, Тетрао..), — изменений близких к видовому рангу.

Но тем самым, признанием «биологической нейтральности» громаднейшего большинства **видовых** отличий отпадает и необходимость привлечения к их объяснению, «**Естественного Подбора**». И с тем большим правом, что реальная полезность видовых отличий до сих пор осталась недоказанной, а факт существования полиморфных видов (не говоря о случаях, подобных сказочной изменчивости раковин типа «**Ахатинелла**») только призывает к осторожности в суждении о «пользе» видовых отличий и о «приспособленности» их к условиям существования.

Ссылки на примеры «симпатической» окраски — обитателей снегов или песков пустыни, забывают (как уже было сказано), что «защитные наряды» обитателей подобных зон являются **не видовыми** свойствами, а признаками **над-видового** ранга. Даже в случае самом «классическом» именно бабочки «**Калима**», подражающей сухому, вялому листу, обычно оставляют незатронутым вопрос о генезисе **видовых** различий, разных **видов** рода бабочек Калимма (Калимма «Инахис», «Паралекта» «Альбо-фасция а» и других).

Самое перенесение **Дарвином** понятия «полезности» на видовые признаки было вполне понятно и естественно, поскольку каждому **виду** присущи, разумеется, также и свойства **Рода** и **Семейства**, в большей своей части **адаптивные**, а случаи заведомо инеадаптивных индивидуальных уклонений «Видового» ранга, по примеру аберрации, относительно недавно обнаруженных у диких птиц из группы куриных, — не были известны.

И, конечно, было лишь естественно вообразить, что сходно с тем накоплением подлинно- полезных качеств предков одомашненных животных также постепенно и путем «Подбора» постепенно накапливались и наращивались признаки «декоративного» порядка и которые во мнении **Дарвина** приравнялись к «видовым» особенностям животных, обитающих на воле.

Не колеблясь, таким образом, громадного значения учения **Чарльза Дарвина** о «Жизненной Борьбе» и «Выживания более Приспособленных» — как фактора, содействующего исторического возникновения явления приспособления в живой природе, мы склоняемся к тому, чтобы эту чудесную гармонию организмов к окружающей среде и жизненных потребностям лишь в применении к комплексам **над-видового** ранга (свойствам **родового** ранга и других более высоких рангов).

И тем самым мы считали бы более уместным и глубоко своевременным — избавить **Дарвина** от давнего, исконного к нему упрека — в неоправданности приписывания **всем** видам, точнее «**видовым отличиям**» животных, обитающих на воле, — специфичной адаптивности.

В глубоком убеждении, что внося подобный корректив во взгляды **Дарвина** (и самое название его Великого Труда) мы ни в малейшей мере не колеблем ни основы Эволюционного Учения, ни основной руководящей мысли **Дарвина** — понять научно генезис явления приспособления органического мира, я заключаю настоящую свою статью с позиции и в роли давнего и убежденнейшего **дарвиниста**.

1.Мая 1962. — **Дарвиновский Музей**.